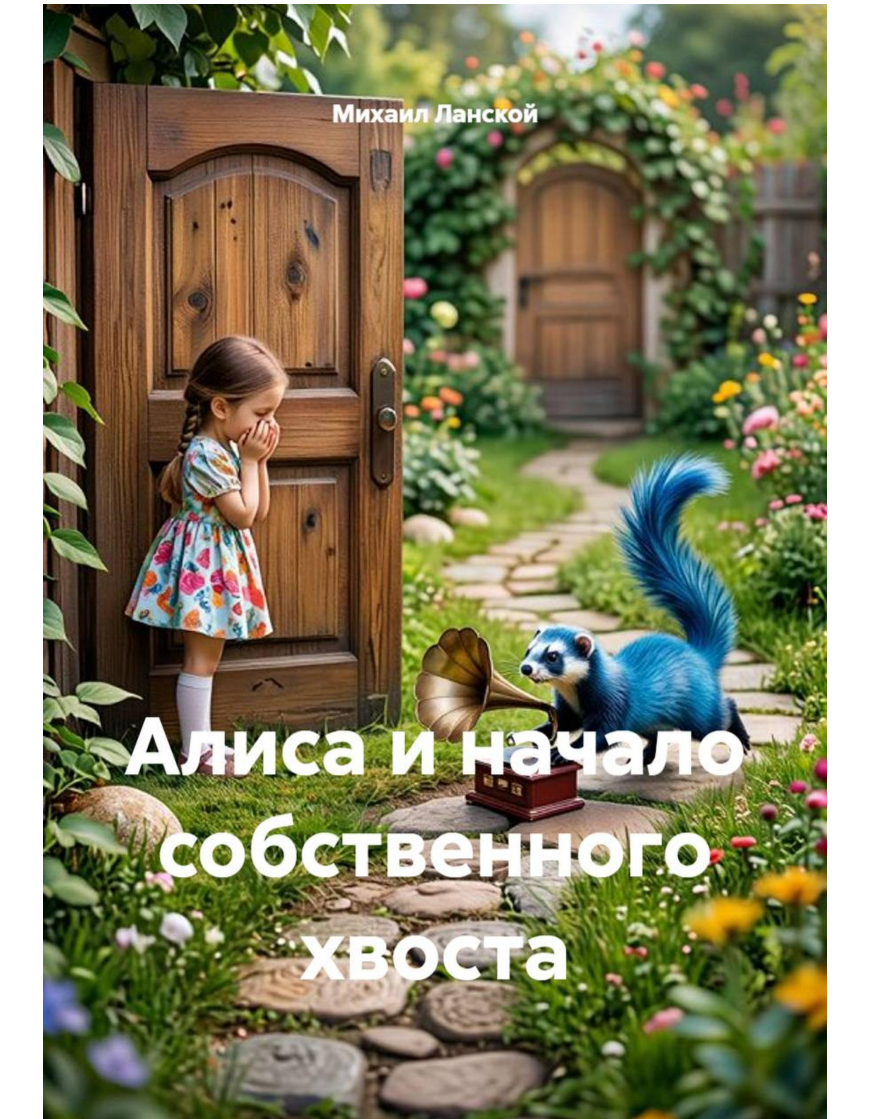

Михаил Ланской

Алиса и начало собственного хвоста

Михаил Ланской

Алиса и начало собственного хвоста

<https://litres.ru/74566923>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса скучает в саду у бабушки, пока мимо не пробегает Синий Сурок с граммофоном, опаздывающий к началу собственного хвоста. Заглянув в рупор граммофона, Алиса падает не в кроличью нору, а сквозь слои собственной памяти, роняя по пути катушки с разговорами и бабушкин рецепт пирога.

Ее ждет Страна, где логика вывернута наизнанку: Дверные ручки страдают меланхолией по субботам, а Среды стирают в реке, чтобы смыть с них пятна Праздников. Здесь слова, если они недостаточно весомы, отрываются от губ и улетают, а чтобы попасть в Четверг, нужно выиграть суд над Вторником, решив задачу о пудинге, поющем басом.

Это история не о борьбе со злом, а о путешествии сквозь грамматику. Алисе предстоит выяснить, кто платит за проезд, если пудинг поет, а ложка спит, и понять, что пробуждение — это лишь переход в ту часть реальности, где чай остыл, а часы показывают без пяти минут вечность.

Содержание

Глава 1. Слишком буквальный колодец	4
Глава 2. Дверная ручка, которая не желала	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Михаил Ланской

Алиса и начало собственного хвоста

Глава 1. Слишком буквальный колодец

- *С чего начинать, Ваше Безумие?* - вежливо спросила Алиса, поправляя съехавший набок корсет из дыма.

- *С конца, разумеется!* - просиял Безумный Шляпник, макая часы в варенье. - *Там буквы крупнее.*

Солнце стояло в зените с такой упрямой вежливостью, что от него хотелось отвернуться и извиниться. Алиса сидела на складном брезентовом стуле, который то и дело норовил сложиться сам в себе от скуки, и отчаянно скучала. Ее старшая сестра, подоткнув под себя все углы пледа, читала книгу без картинок.

- Ну и толку? - пробормотала Алиса, ковыряя носком туфельки корень старой яблони. - В этой книге наверняка все *происходит*. Там рыцари скачут, драконы чихают от простуды, а принцессы путают снадобья. А у нас ничего не происходит. Даже ветер сегодня какой-то официальный, дует стро-

го по расписанию.

Вдруг мимо кустов смородины, тяжело пыхтя, пробежал Синий Сурок. В отличие от своего бледного литературного предшественника, этот господин был одет в солидную тройку в полоску, а на голове его красовался цилиндр, съехавший на самое левое ухо. В одной лапе он сжимал карманный граммофон, из медного рупора которого доносилось надрывное:

- Ах, мои усы, мои божественные усы! Я опять опаздываю к началу собственного хвоста! Если я не успею, хвост начнется без меня, и я навсегда останусь просто запятой!

Сурок на бегу попытался взглянуть на карманные часы, но споткнулся о собственную тень. Пролетев по инерции еще пару метров, он врезался в старую лейку. Раздался оглушительный звон, из граммофона вылетела последняя высокая нота, и Синий Сурок растянулся на траве, выронив свой медный рупор.

Любопытство у Алисы было качеством не просто острым, а геометрическим - оно всегда имело объем. Она подкралась к граммофону и заглянула в раструб, ожидая увидеть там блестящую хромированную иглу или, на худой конец, пружину.

Но внутри не было ничего. То есть, совершенно. Там была такая глубокая, бархатная и гулкая пустота, что у Алисы заложило уши от одного только взгляда в нее.

- Как любопытно, - сказала Алиса, просто чтобы звук соб-

ственного голоса не упал в эту пустоту и не ушибся. - Какое, должно быть, эхо живет в этой трубке. Наверное, оно очень длинное и носит калоши.

Она наклонилась чуть ниже. И еще чуть-чуть. Пустота внутри граммофона, казалось, обладала собственной гравитацией. Она вежливо, но настойчиво потянула Алису за нос.

- Кажется, я падаю, - констатировала Алиса, переворачиваясь в воздухе вниз головой. - Это очень невежливо со стороны граммофона. Мог бы хотя бы предупредить.

Падение оказалось совсем не таким, как пишут в учебниках физики. Оно не было ни быстрым, ни медленным. Оно было *пунктирным*. Алиса летела сквозь слои собственного вчерашнего дня. Мимо, медленно кружась, проплывали вещи, которые она, оказывается, все это время носила в карманах своего передника, даже не подозревая об их существовании:

Катушка ниток, на которую был намотан вчерашний разговор с сестрой о погоде.

Половинка яблока, которую она надкусила во вторник, но забыла съесть. Яблоко успело немного повзрослеть и обзавестись собственной, хоть и крошечной, гравитацией.

Ключ от двери, которой никогда не было в их доме. Ключ тихонько позвякивал в такт падающим мимо секундам.

И, наконец, бабушкин рецепт пирога с грибами. Рецепт был написан на листке из тетради в клетку, и пока Алиса падала, чернила на нем не успевали высохнуть. Буквы «А»,

«Л», «И», «С», «А» то и дело отпрыгивали в сторону, выстраиваясь в слово «ААИЛС», а потом, стесняясь, возвращались на свои места.

Стенки колодца, по которому она летела, оказались все не кирпичными. Они были оклеены старыми обоями в мелкий цветочек, и на каждом метре висела картина. На картинах были изображены другие, еще более глубокие колодцы, в которых тоже кто-то падал, махая Алисе рукой. Один джентльмен в сюртуке падал с таким достоинством, что умудрялся на лету читать газету.

- Если так пойдет и дальше, - вслух рассуждала Алиса, проплывая сквозь облачко пыли, пахнущее старыми чемоданами, - я приземлюсь либо в прошлый четверг, либо в чайное блюдце. И то, и другое кажется мне одинаково вероятным.

Она попыталась перевернуться, чтобы приземлиться на ноги, но обнаружила, что у падения нет ни верха, ни низа. Есть только направление «вперед-в-глубь».

Внезапно сквозь гул падения пробился знакомый голос. Это Синий Сурок, придя в себя, снова припал к граммофону: - Без десяти минут хвост! - взвыл он. - Пропало все!

Алиса хотела крикнуть ему в ответ, что она падает и ей нужен совет, но слова, едва сорвавшись с ее губ, оторвались, превратились в бумажных голубей и, хлопая крыльями, улетели обратно вверх, к началу истории.

«Что ж, - подумала Алиса, - раз слова улетели, придется думать только существительными. Земля. Удар. Коврик».

Она зажмурилась, готовясь к встрече с твердой поверхностью, и приготовилась быть вежливой. В конце концов, это не она врезалась в землю, а земля, по всей видимости, поджидала ее. Стоило хотя бы сказать «здравствуйте».

Глава 2. Дверная ручка, которая не желала

Падение завершилось не ударом, а скорее деликатным вздохом. Алиса обнаружила, что сидит на чем-то жестком, угловатом и слегка покалывающем сквозь платье. Она открыла глаза. Вокруг возвышались горы. Но это были не те величественные горы, о которых пишут в учебниках географии, увенчанные снегами и орлами. Это была Пуговичная Гряда. Куда ни глянь - повсюду торчали костяные пуговицы: перламутровые, роговые, деревянные, обтянутые потертым бархатом и медные с королевскими вензелями. Они были свалены в кучи, текли пыльными лавинами и тихонько перешептывались о старых пальтовых петлях.

- Какая удивительная скучная гора, - сказала Алиса, отряхивая юбку от пары особенно назойливых костяных кружочков. - Ни тебе восхождения, ни альпинистов. Только и умеют, что расстегиваться в самый неподходящий момент.

Перед ней, прямо в сплошной стене из старых шинельных пуговиц, находилась Дверь. Обыкновенная дубовая дверь, выкрашенная в цвет «унылый вторник». Она была ровно Алисе по пояс, что само по себе казалось невежливым - строить двери для тех, кто еще не вырос.

Алиса достала из кармана ключ. Тот самый, от несущейся

ствующей двери. Он был холодным, как сосулька, и пах озонном. На головке ключа была выгравирована крошечная нотка «до-диез». - Ну что, открываемся? - бодро спросила Алиса у двери, вставляя ключ в замочную скважину.

Ключ вошел с приятным металлическим звоном, но поворачиваться отказался. - Ай! - пискнул ключ, когда Алиса нажала посильнее. - Вы мне сейчас бемоль свернете! Я сделан из замороженного звука, барышня. У меня строгий температурный режим.

Алиса отступила на шаг. Она перевела взгляд на дверную ручку. И тут же поняла, почему дверь не поддается. Ручка была живая. Она имела вид потертого латунного льва, который меланхолично смотрел в стену. Время от времени ручка тяжело вздыхала, и из замочной скважины вылетало облачко латунной пыли.

- Прошу прощения, - обратилась к ней Алиса, вспомнив, что в подобных обстоятельствах вежливость - единственный работающий инструмент. - Не будете ли вы так любезны повернуться?

Ручка медленно скосила на нее один стеклянный глаз. - Повернуться? - проскрипела она голосом несмазанной телеги. - Милое дитя, я поворачиваюсь только по вторникам. А сегодня, если верить моему внутреннему барометру и тому, как ноет моя старая резьба, глубокая суббота. В субботу я имею право на меланхолию и полную неподвижность. Это прописано в моем паспорте.

- Но мне очень нужно пройти, - настаивала Алиса. - Там, за дверью, наверняка что-то происходит. Там не может быть Пуговичной Гряды вечно.

- Все так говорят, - философски заметила Ручка. - Все хотят пройти, потому что им кажется, что там лучше. А я вот думаю: а что, если там точно такая же Пуговичная Гряда, только пуговицы на ней пришиты намертво? Это же невыносимая скука. Нет уж. Я лучше постою. Постою за всех нас.

Алиса нахмурилась. Логика Ручки была безупречной и оттого совершенно невыносимой. Если следовать правилам этого мира, то выхода нет. Но Алиса чувствовала, что правила здесь - это лишь черновики, которые забыли перечеркнуть.

Она посмотрела на замочную скважину. Она была овальной, темной и манящей. - Раз я не могу повернуть тебя, - сказала Алиса Ручке, - и не могу провернуть ключ, так как он простудится, я, пожалуй, пойду в обход.

- В замочную скважину не пролезет даже твой здравый смысл, - проскрипела Ручка. - О, мой здравый смысл остался наверху, в саду, - успокоила ее Алиса. - Он слишком громоздкий, чтобы брать его в такие места.

Она достала из другого кармана пузырек. На нем не было черепа с костями или надписи «Выпей меня». Там аккуратным почерком было выведено: «Скука в чистом виде. Принимать при избытке реальности».

Алиса знала этот закон: если в Стране Чудес что-то напи-

сано на пузырьке, оно обязательно сработает, но ровно наоборот. Если написано «Яд» - это будет сироп от кашля. Если написано «Скука» - это непременно окажется что-то захватывающее. Она сделала большой глоток.

Жидкость оказалась похожей на выдохнувшееся имбирное пиво, смешанное с электричеством. Алиса почувствовала, как ее локти и колени становятся мягкими, как разогретый воск, а платье начинает пахнуть старыми газетами. Процесс пошел. Она уменьшалась, но не просто так. Она уменьшалась *целенаправленно*. Ее талия сузилась до толщины вязальной спицы, плечи стали хрупкими, как яичная скорлупа, а ноги превратились в две аккуратные запятые.

- Прощай, глубокая суббота! - пискнула она Ручке, которая теперь возвышалась над ней, как собор.

Она не стала пытаться пролезть *вскважину*. Это было бы слишком прямолинейно. Вместо этого она сделала то, что показалось бы безумием в саду, но было единственным логичным шагом здесь: она просто шагнула *сквозьзамочную скважину*.

Дерево не оказало сопротивления. Оно было лишь идеей дерева. Алиса прошла сквозь него, как проходит сквозь стекло луч света, если стеклу вдруг станет лень быть твердым. На мгновение она почувствовала вкус дубильных веществ и услышал запах клея, а затем вывалилась с другой стороны.

Там не было Пуговичной Гряды. Там вообще не было пола. Алиса стояла на нижнем крае самой замочной скважи-

ны, который здесь, в Зазеркальном мире, служил порогом. Под ее ногами, насколько хватало глаз, простиралась равнина, сотканная из пауз между словами. Воздух был плотным и состоял из забытых прилагательных. А вдалеке, там, где небо цвета пыльной сливы смыкалось с землей, стоял Лес. И Алиса то

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.